

КОНЦЕПТ *БОЛЕЗНЬ* В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «РАКОВЫЙ КОРПУС»)

ANDREI A. ZLOBIN

THE CONCEPT OF DISEASE IN ALEKSANDR SOLZHENITSYN'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD:
ON THE EXAMPLE OF THE STORY "CANCER WARD"

Цель данной статьи — проанализировать смысловой потенциал концепта *БОЛЕЗНЬ* в знаковой повести Александра Исаевича Солженицына «Ракровый корпус». Методом сплошной выборки были отобраны контексты, наиболее ярко иллюстрирующие семантику и особенности функционирования языковых единиц, эксплицирующих данный концепт. Эти контексты подвергаются когнитивно-семантическому анализу; также в работе используются общенаучные методы описания и классификации языковых явлений и единиц; метод количественной обработки языковых данных (статистический метод). В основу исследования положен метод концептуального анализа, благодаря которому выделилось смысловое ядро концепта (лексемы: *болезнь, рак, опухоль* и их дериваты), приядерная (лексемы: *лимфоузлы, метастазы, мелано-бластома*) и периферийная зоны (лексемы: *лечение, операция, диагностика, инъекция, выздоровление, исцеление* и др.). Именно метод концептуального анализа позволил констатировать, что в семантической структуре концепта *БОЛЕЗНЬ* совмещаются два смысловых центра: тяжёлая онкологическая болезнь и крайне болезненное состояние общества, поражённого тоталитарным режимом. Важную роль в работе играет сопоставительный метод, который позволяет сделать вывод об автосемантии одних лексем и о наличии атрибутивных распространителей у других, об особенностях координации предикативного сочетания слов (например, *опухоль укусила*), о лексической омонимии некоторых существительных. Для выявления образных составляющих концепта *БОЛЕЗНЬ* широко применялись методы контекстуального и дискурсивного анализа, которые позволили обнаружить интертекстуальные связи, определить систему образов, выявить нравственно-философскую проблематику повести, связанную с политической ситуацией в СССР в 50-е годы XX века и общественной позицией писателя.

Ключевые слова: концепт; ядерно-периферийная организация; семантика; лексический дериват; текстовая репрезентация; А. И. Солженицын.

**Андрей Александрович
Злобин**

Кандидат филологических наук, доцент
 ► zlobin_andrei@mail.ru

Вятский государственный университет
 610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36

Andrei A. Zlobin
 Vyatka State University

36, Moskovskaya ul., Kirov, Russia, 610000

The purpose of the article is to analyze the meaning potential of the concept DISEASE in the symbolic story "Cancer Ward" by Aleksandr Solzhenitsyn. Using the method of continuous sampling, the author has selected the contexts that most clearly illustrate the semantics and functioning of language units that organize the concept under study. These contexts are subject to cognitive and semantic analysis; the author also has used general scholarly methods of describing and classifying linguistic phenomena and units and the method of quantitative treatment of language data (the statistical one). The research is based on a method of conceptual analysis that has given a semantic nucleus of the concept (lexemes: disease, cancer, tumor and their

derivatives), a prenuclear zone (lexemes: lymph nodes, metastases, melanoblastoma) and peripheral zone (lexemes: treatment, surgery, diagnosis, injection, recovery, healing, etc.). Conceptual analysis method made it possible to state that the semantic structure of the concept DISEASE combines two centers of meaning: a severe oncological disease and an extremely painful state of society affected by the totalitarian regime. The comparative method plays an important role in the work, leading to the conclusions about autosemantism of some lexemes and the presence of attributive propagators in other lexemes, about the peculiarities of coordination of the predicative combination of words (e.g., 'tumor has bitten') about the lexical homonymy of certain nouns. The methods of contextual and discursive analysis have been widely used to identify the constituents of the concept DISEASE, which have made it possible to detect intertextual relationships, to define patterns, to identify moral and philosophical problems of the story, related to the political situation in the USSR in the 1950s and the public position of the writer.

Keywords: concept; nuclear peripheral organization; semantics; lexical derivative; textual representation; Aleksandr Solzhenitsyn.

Введение

Известно, что действительность подвергается категоризации со стороны языка, то есть язык является неким посредником между миром и сознанием человека. Концептуализация мира — процесс его освоения посредством языка, а концепты — компоненты познанного мира, репрезентированные в языке. Именно поэтому концептуальный анализ по-прежнему является одним из динамично развивающихся направлений в современных филологических исследованиях. Особый научный интерес сегодня представляет языковая картина мира писателя, раскрывающаяся в его произведении и в творчестве в целом. Анализ наиболее значимых для мировосприятия писателя концептов — весьма продуктивный способ изучения авторской концептосферы.

Состояние изучения вопроса и методы

В центре нашего внимания — языковая картина мира русского писателя второй половины XX века, Нобелевского лауреата по литературе А.И. Солженицына. В течение двух десятилетий анализировались ключевые концепты, репрезентированные в его произведениях: «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Бодался телёнок с дубом», «Красное колесо», «Матрёнин двор», «Один день Ивана Денисовича» и др. На страницах оте-

чественных филологических изданий регулярно обсуждался опыт исследования концептосферы А.И. Солженицына. В частности, были проанализированы следующие концепты: *свобода, воля, праведник, шарашка, лагерь*, а также представлены выводы, касающиеся особенностей идиостиля писателя в когнитивном аспекте [Злобин 2018].

Цель статьи — исследование смыслового наполнения концепта *БОЛЕЗНЬ*, его ядерно-периферийной организации, особенностей лексической и текстовой репрезентации в автобиографическом произведении писателя «Раковый корпус». Именно в этой повести отразился переломный момент жизни А.И. Солженицына, когда в 1954 году, по прогнозам врачей, жить ему оставалось не более трёх недель, а спустя несколько месяцев он вышел из ташкентского онкологического диспансера в новую «жизнь-довесок — как хлебный довесок, приколотый к основной пайке» [Солженицын 1996: 11].

Для достижения данной цели методом сплошной выборки было выделено более 300 контекстов, в которых представлены следующие лексические единицы: *болезнь, рак, опухоль, лимфоузлы, метастазы, меланобластома, лечение, операция, диагностика, инъекция, выздоровление, исцеление* и др., а также их лексические дериваты: *раковый, рачок, рачище*. Статистический и сопоставительный методы помогли определить ядерные, приядерные и периферийные лексемы. Метод концептуального анализа позволил исследовать семантическую структуру анализируемого концепта. Поскольку семантический потенциал концепта *БОЛЕЗНЬ* в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» реализуется только в контексте, были использованы методы когнитивно-семантического, контекстуального и дискурсивного анализа, а также методы описания и классификации языковых явлений.

Обсуждение и результаты

Ядром рассматриваемого концепта являются несколько репрезентантов. Рассмотрим их подробнее.

1. Слово *болезнь* — наиболее частотная лексическая единица (около 100 случаев употре-

бления), давшая имя анализируемому концепту: ... Но не меньше **болезни** угнетало теперь Павла Николаевича то, что приходилось ложиться в эту клинику на общих основаниях, как он лечился уже не помнил когда [Солженицын 2017: 3–4].

Статистический анализ свидетельствует о том, что лексема **болезнь** в повести А. И. Солженицына автосемантически. Е. В. Гулыга под *автосемантичностью* понимает «способность языковой единицы выражать значение (для слова) вне зависимости от других лексических единиц, контекста (ситуации) или высказывания (для предложения) вне зависимости от других синтаксических конструкций [Гулыга 1967: 63]. Действительно, у слова **болезнь** в «Раковом корпусе» практически отсутствуют атрибутивные распространители (98% случаев): Зоя рассматривала малодружелюбное, но сильное лицо Костоглотова. Костлявые плечи, руки — но это **от болезни** [Солженицын 2017: 39]. Исключение из этой тенденции составляют случаи единичного использования прилагательных **лучевая** и **раковая**, например: Она ещё слышала фразу: лет двадцать назад вы облучали какого-нибудь Костоглотова, который умолял вас не облучать, но вы же не знали о **лучевой болезни** [Солженицын 2017: 92].

Данный факт представляется вполне закономерным, поскольку художественным центром повести является палата онкологического диспансера, где пересекаются судьбы разных персонажей — пациентов со всех концов необъятной страны и врачей, объединённых одним желанием — победить страшную болезнь. А. И. Солженицын создаёт ряд ярких характеров: бывший заключённый Олег Костоглотов, занимающий высокий пост Павел Николаевич Русанов, оставшийся без родителей подросток Дёмка, старый большевик, забытый близкими библиотекарь Алексей Шулубин, бесшабашный, «переделавший пропасть разной работы» Ефрем Поддуев, оптимистичный хлопец Прошка, талантливый учёный-геолог Вадим Зацырко. Болезнь уравнила людей разного возраста, социального положения, взглядов. Все, без исключения, герои физически и духовно страдают, переживают за своё будущее.

Однако только оказавшись вдали от суеты повседневности, обитатели ракового корпуса наконец-то получили возможность задуматься о смысле бытия. Именно поэтому вербально и ассоциативно концепт **БОЛЕЗНЬ** обнаруживает непосредственную связь с такими ключевыми концептами русской лингвокультуры, как **СМЕРТЬ** и **ЖИЗНЬ**. Приведём в качестве иллюстрации наблюдений соответствующие контексты: За эту осень я на себе узнал, что человек может **переступить черту смерти**, ещё когда тело не умерло. Ещё что-то там в тебе кровообращается или пищеварится — а ты уже, психологически, прошёл подготовку к **смерти**. И пережил саму **смерть**. Всё, что ты видишь вокруг, видишь уже как бы из гроба, бесстрастно. Хотя ты не причислял себя к христианам, и даже напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя. Тебе уже просто всё и все безразличны, ничего не порываешься исправить, ничего не жаль. Я бы даже сказал: очень равновесное состояние, естественное [Солженицын 2017: 35]; И этот варварский расстрел крупными квантами, происходивший беззвучно и неощутимо для расстреливаемых тканей, за двенадцать сеансов вернул Костоглотову **намерение жить**, и **вкус жизни**, и **аппетит**, и даже весёлое настроение [Солженицын 2017: 71].

Близость смерти подталкивает больных к постановке сложнейших нравственно-философских вопросов, которые некоторые из них задают себе и друг другу впервые здесь, в больничной палате, на границе жизни и смерти. Споры героев по поводу статьи Л. Н. Толстого «Чем люди живы» помогают решить вопрос о смысле жизни, о соотношении добра и зла в мире, открывают возможность увидеть в каждом человеке образ Божий. Для Ефрема Поддуева последние дни пребывания в онкологическом диспансере связаны с духовным прозрением. «В прозе А. И. Солженицына мужские персонажи нередко переживают переход от одной стадии жизни к другой, сопровождающийся внутренним перерождением и переоценкой ценностей», — отмечает А. Е. Аркатова [Аркатова 2013: 89].

Неизбежность смерти герои воспринимают по-разному: полностью исключает её из своего сознания коммунист и атеист Павел Николаевич Русанов, старается не думать о ней беззаботный хлопец Прошка, всеми силами борется за жизнь, но смиряется перед смертью Олег Костоготов, молодой учёный Вадим Зацырко спокойно принимает свою участь: *В Москве он узнал не только о водах и рудах. Ещё он узнал, что с меланобластомой умирают — всегда. Что с нею редко живут год, а чаще — восемь месяцев* [Солженицын 2017: 258]. Приняв смерть как неизбежность, оставшиеся месяцы он хочет прожить насыщенно и интересно: *Двадцать семь — это лермонтовский возраст. Лермонтову тоже не хотелось умирать <...> Однако он врезал себя в нашу память — и не на сто лет, навсегда! Перед смертью, перед пантерой смерти, уже виляющей чёрным телом, уже бьющей хвостом, уже прилегшей рядом, на одну койку с ним, Вадим, человек интеллекта, должен был найти формулу — как жить с ней по соседству? Как плодотворно прожить вот эти оставшиеся месяцы, если это — только месяцы? Смерть как внезапный и новый фактор своей жизни он должен был проанализировать. И, сделав анализ, заметил, что, кажется, уже начинает привыкать к ней, а то даже и усваивать* [Солженицын 2017: 258–259].

Жизнь в повести А.И. Солженицына предстаёт в качестве абсолютной ценности: *Поставленная спасти жизнь, именно жизнь, — в их клинике почти всегда шло о жизни, о меньшем не шло, — Людмила Афанасьевна непреклонно считала, что всякий ущерб оправдан, если спасается жизнь* [Солженицын 2017: 92].

За жизнь пациентов самоотверженно сражаются врачи. Особую симпатию у автора вызывают Людмила Афанасьевна Донцова и Вера Корнильевна Гангарт, которые, избавляя от болезни сотни и тысячи людей, совершенно забывают о себе, рискуют своим здоровьем и положением. В повести слышны «отголоски» знаменитого «дела врачей» 1948–1953 гг.: *Этот Русанов мог причинить <...> тягучие неприятности. Мудрено голову приставить, а срубить немудрено. Да если бы только один Русанов! Это мог сделать любой боль-*

ной с ожесточённым сердцем. Ведь всякая травля, однажды кликнутая, — она не лежит, она бежит. Это — не след по воде, это борозда памяти. Можно её потом заглаживать, песочком засыпать, но крикни опять кто-нибудь хоть спьяну: «бей врачей!» или «бей инженеров!» — и палки уже при руках [Солженицын 2017: 59].

Своё великое служение врачи онкодиспансера совершают в атмосфере политического страха и подозрительности: *Ключки подозрений остались там и сям, проносятся. Совсем недавно лежал в их клинике по поводу опухоли желудка шофёр МГБ. Он был хирургический, Вера Корнильевна не имела к нему никакого отношения, но как-то дежурила ночью и делала вечерний обход. Он жаловался на плохой сон. Она назначила ему бромурал, но узнав от сестры, что мелка фасовка, сказала: «Дайте ему два порошка сразу!» Больной взял, Вера Корнильевна даже не заметила особенного его взгляда. И так бы не узналось, но лаборантка их клиники была этому шофёру соседка по квартире и навещала его в палате. Она прибежала к Вере Корнильевне взволнованная: шофёр не выпил порошков (почему два сразу?), он не спал всю ночь, а теперь выспрашивал лаборантку: «Почему её фамилия Гангарт? Расскажи о ней поподробней. Она отравить меня хотела. Надо ею заняться»... И несколько недель Вера Корнильевна ждала, что ею займутся* [Солженицын 2017: 59–60].

2. Лексема **рак** представлена примерно в 90 случаях: *И ничем никогда не болел — ни тяжёлым, ни гриппом, ни в эпидемию, ни даже зубами. И только в запрошлом году первый раз заболел — и сразу вот этим. Раком* [Солженицын 2017: 12–13].

В повести А.И. Солженицына зафиксировано две производных от слова **рак** лексических единицы. Их семантическая специфика определяется прежде всего значением суффикса субъективной оценки: **рачок** (когда речь идёт о начале болезни и её ранней стадии) и **рачище** (когда говорят о тяжёлом состоянии человека и поздней стадии болезни): *...Вот тут старик один есть, — не унимался Ефрем, — он внизу лежит, операция ему завтра. Так ему ещё в сорок втором году рачок маленький вырезали и сказали — пустяки, иди гуляй. Понял? — Ефрем говорил будто бойко, а голос был такой,*

как самого резали. — Тринадцать лет прошло, он и забыл про этот диспансер, водку пил <...> — нотный старик, увидишь. А сейчас **рачище** у него та-кой вырос! — Ефрем даже чмокнул от удовольствия. — Прямо со стола да как бы не в морг [Солженицын 2017: 12–13].

В исследуемом тексте представлены случаи лексической омонимии слова **рак** и его производного **рачок**: ... Если и попадёшь домой — ненадолго, а-анянь сюда. **Рак**¹ людей любит. Кого **рак**² клешней схватит — то уж до смерти [Солженицын 2017: 13]; Ему на днях должны были удалить **рачок**¹ [Солженицын 2017: 53]; Этот больной хрипло рассказывал другим, слушавшим с коек. При входе Русанова он повернулся к нему всем корпусом, с которым наглухо сливалась голова, посмотрел без участия и сказал: «А вот — ещё один **рачок**²» [Солженицын 2017: 11].

В качестве лексического деривата существительного **рак** выступает прилагательное **раковый**. Данная единица имеет неширокую семантическую сочетаемость. В рассматриваемой повести она сочетается лишь с несколькими существительными: **больной, диспансер, корпус, пациент**, например: И на месте удара загноилась рана. Она не заживала. И с тех пор Сибгатов стал как цепью прикован к **раковому диспансеру** [Солженицын 2017: 30].

Предельно ограниченная лексическая сочетаемость прилагательного **раковый**, в частности, акцентирует внимание на том, что заглавие повести — не только указание на место действия, а символ, который несёт большую смысловую нагрузку. А. В. Урманов, говоря о символе как форме воплощения авторской концепции бытия, отмечает: «В произведениях А. Солженицына можно обнаружить множество сквозных символических мотивов, представляющих собой нерасчленимое единство — взаимосвязанную систему, которая формирует очень важный концептуальный слой художественной модели мира. Эти мотивы очень устойчивы: варьируясь и углубляясь, а иногда отходя на задний план, они никогда не ускользают из поля зрения писателя и присутствуют на всех этапах его творчества...» [Урманов 2000: 121].

«Раковый корпус» — художественное произведение, вскрывающее раковую опухоль советского общества. Олег Костоглов, главный герой повести, — это не только пациент, страдающий онкологическим заболеванием, а человек, сознание которого изуродовано тоталитарным режимом.

Н. Г. Сичинава отмечает, что «при описании жизненного пути Костоглота и других персонажей Солженицын использует хронотоп порога (кризисного сознания, перелома)» [Сичинава 2017: 30]. Действительно, благодаря приёму ретроспекции, автор высвечивает те фрагменты биографии, которые значимы для актуализации нравственно-философской проблематики повести. Память переносит Олега Костоглота из палаты онкодиспансера в прошлое, и он вновь ощущает себя «в переполненных послевоенных бутырских камерах», «под нарами красной Пресни». А. И. Солженицын неслучайно в «Раковом корпусе» перечисляет механизмы ограничения свободы ни в чём не повинных людей: они участвуют в создании зловещей метафоры целой страны, поражённой страшной болезнью: А что действительно нависает над повестью — так это система лагерей. Да! Не может быть здоровой та страна, которая носит в себе **такую опухоль!** [Солженицын 1996: 12].

Статистические данные говорят о том, что при характеристике Олега Костоглота, в образе которого писатель показал человека, прошедшего сталинские лагеря, доминирует пейоративная лексика. В частности, в контекстах, рассказывающих о его лагерной жизни, А. И. Солженицын использует жаргонную лексику: **блатарь, бобёр, зек, пайка, урки** и др. Трагическое положение Костоглота и подобных ему людей демонстрируют следующие лексические единицы: **вечный арестант, потеряна** вся жизнь, **лишили** моей собственной жизни и др. Их отношение к советским партийным лидерам однозначно отрицательное: **людоед** накрылся (о смерти Сталина), **свалили Берия с жестяным грохотом пустого истукана**. Лагерь воспринимается бывшими заключёнными как место предельной концентрации зла: **Это всё воспринимается с улыбкой потому, что это всё —**

после **волчьего лагеря**. Конечно, что не покажется после лагеря — шуткой? что не покажется отдыхом [Солженицын 2017: 276].

Говоря о массовом выселении жителей Ленинграда в 1935 году, автор ассоциирует сталинские репрессии с природным катаклизмом: **Как будто землетрясение** было — нарастающую квартиры, кто-то входил, брал, уходил, никто никого не спрашивал [Солженицын 2017: 159]. В «Раковом корпусе сравнение становится особым экспрессивным средством, передающим чувства жертв тоталитарной системы: **И опять я — песчинка**, как в лагере, опять от меня ничего не зависит [Солженицын 2017: 147]; Но, **как насекомым**, приколотым в отъединённых клеточках, каждому была определена своя [Солженицын 2017: 185].

3. Лексема **опухоль** зафиксирована нами в анализируемой повести более чем в 80 контекстах: Все молчали, рты приоткрывши сказке. Чтобы **опухоль**, его **опухоль**, вот эта губительная, всю его жизнь перековерковавшая **опухоль**, — и вдруг бы сама изошла, иссякла, кончилась? [Солженицын 2017: 141].

Раковая опухоль — то, что врывается в человеческую жизнь внезапно, что разрушает планы, ломает представление о земном благополучии. А. И. Солженицын, вспоминая свой опыт переживания онкологической болезни, часто использует антонимию: Но вся дружная образцовая семья Русановых, вся их налаженная жизнь, безупречная квартира — всё это за несколько дней отделилось от него и оказалось **по ту сторону опухоли**. Они живут и будут жить, как бы ни кончилось с отцом. Как бы они теперь ни волновались, ни заботились, ни плакали — опухоль задвигала его как стена, и **по эту сторону** оставался он один [Солженицын 2017: 18].

Диагностирование опухоли, разделяющей человеческую жизнь на до и после, воспринимается всеми персонажами повести как явление негативное. Осознание разделившийся жизни и ощущение страха, тотального одиночества автор передаёт через чувства благополучного партийного работника Павла Николаевича Русанова: Кольнуло под шеей — и **опухоль, глухая, бесчувственная**, сдвинулась и заслонила весь мир. И опять: бюджет, тяжёлая промышленность, животноводство

и реорганизации — всё это осталось **по ту сторону опухоли**. А **по эту** — Павел Николаевич Русанов. Один [Солженицын 2017: 19].

Обращает на себя внимание интенсивность и экспрессивность семантики глагольных лексем, которые находятся в грамматическом подчинении у слова **опухоль**, например: *И сейчас, когда уже кровь его и ткани его оказывались принимать рентген, — сейчас **бушевала** новая **опухоль**, и нечем было её сбить, её только держали [Солженицын 2017: 62]; *Ни райкомовцев, ни обкомовцев, ни самих, ни родных, — никого ещё видно **не укусила** **опухоль** и, как думали они, **не укусит*** [Солженицын 2017: 89].*

Семантика лексемы **опухоль** в анализируемой повести А. И. Солженицына может быть конкретизирована при помощи атрибутивных распространителей — **внутренняя, доброкачественная, злая, злокачественная, внутренняя, новая**: Но ведь у меня не рак, доктор? У меня ведь — не рак? — с надеждой спрашивал Павел Николаевич, слегка потрагивая на правой стороне шеи свою **злую опухоль**, растущую почти по дням. А снаружи всё так же обтянутую безобидной белой кожей [Солженицын 2017: 3].

Приядерную зону изучаемого концепта составляют лексемы, являющиеся узкоспециальными медицинскими терминами: **лимфоузлы, метастазы, меланобластома**: **Метастазы** рвали оборону, как танки, они уже твердели в средостении, появились в лёгких, уже воспаляли узлы над ключицами, но организм не давал помощи, чем обновить [Солженицын 2017: 63]; Потом пришла из стационара женщина в сером халате с шариком цветной опухоли на ступне — просто наколола гвоздём в туфле — и весело разговаривала с сестрой, никак не предполагая, что этот сантиметровой шарик, который ей не хотят почему-то отрезать, есть королева злокачественных опухолей — **меланобластома** [Солженицын 2017: 64]. Как правило, данные существительные характеризуют тяжёлое состояние пациента, которое уже не поддаётся лечению: Смотрела она в его рыжие глаза, после многого страха перешагнувшие в бестрашие, и тоже думала: зачем? Зачем его мучить, если нож не успевал за **метастазами**? [Солжени-

цын 2017: 119]; Нет, Дёмка, вылечить меня уже нельзя. От **меланобластомы** вообще не вылечиваются. Таких выздоровевших нет. А мне? Отнять ногу — мало, а выше — где ж резать? Сейчас идёт вопрос — как оттянуть? И сколько я выиграю: месяцы или годы? [Солженицын 2017: 207].

Персонажи повести, которым поставлен такой диагноз, понимают свою обречённость: В общем, Дёмка, у меня опухоль совсем другая, чем у тебя. У меня — **меланобластома**. Эта сволочь не щадит. Как правило, восемь месяцев — и с копыт [Солженицын 2017: 206].

Трагическое понимание неизбежности смерти людей, страдающих неизлечимой болезнью, и ощущение оборванности, незавершённости жизни безымянных лагерников А. И. Солженицын передаёт через глубоко символический образ реки Чу, протекающей в Уш-Тереке, месте вечной ссылки политических заключённых: *Наша Чу не дотягивает ни до какого моря, ни озера, ни до какой большой воды. Река, кончающая жизнь в песках! Река, никуда не впадающая, все лучшие воды и лучшие силы раздарившая так, по сути и случайно, — друзья! разве это не образ наших арестантских жизней, которым ничего не дано сделать, суждено бесславно заглохнуть, — и всё лучшее наше — это один плёс, где мы ещё не высохли, и вся память о нас — в двух ладоньках водица, то, что протягивали мы друг другу встречей, беседой, помощью* [Солженицын 2017: 303–304].

Периферийную зону концепта **БОЛЕЗНЬ** составляют лексические единицы, связанные с максимальным преодолением онкологического заболевания: **лечение, диагностика, облучение, рентгенооблучение, операция, биопсия, рентген, укол, инъекция**, например: *Крестец нельзя отнять, нельзя выпилить — это камень, положенный во главу угла. Оставалось — **рентгенооблучение**, и обязательно сразу большими дозами — меньшие не могли помочь* [Солженицын 2017: 62]; *Глушат меня **рентгеном** по два сеанса в день, каждый двадцать минут, триста «эр», — и хотя я давно забыл боли, с которыми уезжал из Уш-Терека, но узнал рентгеновскую тошноту (а может быть, и от **уколов**, тут всё складывается* [Солженицын 2017: 300].

Особое место в семантическом пространстве периферийной зоны занимают лексемы **выздоровление** и **исцеление**. Их функционирование в тексте повести связано с именем персонажа Олега Костоглотова, автобиографичность которого несомненна. А. В. Сафонов подтверждает наши наблюдения: «Автобиографическая составляющая образа главного героя достаточно велика: студент, фронтовик, лагерник, ссыльный, пациент ракового корпуса» [Сафонов 2018: 144]. Сам А. И. Солженицын воспринимал **выздоровление** исключительно как **исцеление**: «При моей безнадежно запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор — не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель» [Солженицын 1996: 11].

Выводы

Таким образом, концепт **БОЛЕЗНЬ**, репрезентированный в одной из знаковых произведений русской литературы второй половины XX в., имеет особое значение в языковой картине мира А. И. Солженицына. Семантическая структура данного концепта определяется совмещением двух смысловых центров: тяжёлой онкологической болезни и крайне болезненного состояния общества, поражённого беззаконием сталинизма. Интертекстуальные параллели, зафиксированные в повести (Л. Н. Толстой «Народные рассказы» — попытка интерпретировать Евангелие), актуализируют его связь с ключевыми концептами русской языковой картины мира — **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ**. «Раковый корпус», по мнению самого писателя, — это «преодоление смерти жизнью, прошлого — будущим, я по свойствам своего характера иначе не взялся бы и писать» [Солженицын 1996: 54].

Помимо этого, в смысловом пространстве данного концепта обнаружены и образные компоненты, актуализирующие внимание читателя к политической ситуации в СССР, к духовной атмосфере советского общества 1950-х гг.

ИСТОЧНИКИ

Солженицын 1996 — Солженицын А. И. *Бодался телёнок с дубом*. М., 1996.

Солженицын 2017 — Солженицын А. И. *Раковый корпус*. М., 2017.

ЛИТЕРАТУРА

Аркатова 2013 — Аркатова А.Е. «Чудо духовности» Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А. Солженицына «Раковый корпус»). *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2013, (3 (40)): 89–96.

Гулыга 1967 — Гулыга Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова. *Филологические науки*. 1967, (2): 61–65.

Злобин 2018 — Злобин А. А. Вторичные номинации в романе А. И. Солженицына «В круге первом». *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2018, (2): 185–192.

Сафонов 2018 — Сафонов А. В. Мятежный герой в поисках любви и свободы: образ Олега Костоглотова в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус». *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2018, (3 (60)): 143–152.

Сичинава 2018 — Сичинава Н. Г. Средства языковой репрезентации культурно-исторического хронотопа в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус». В сб: *Личность и творчество А. И. Солженицына в контексте мировой литературы*. Ростов-на-Дону — Таганрог. 2018. С. 119–124.

Урманов 2000 — Урманов А. В. *Поэтика прозы Александра Солженицына*. М.: Прометей, 2000. 234 с.

SOURCES

Солженицын 1996 — Solzhenitsyn A.I. *Calf Butted an Oak*. Moscow, 1996. (In Russian)

Солженицын 2017 — Solzhenitsyn A.I. *Cancer Ward*. Moscow, 2017. (In Russian)

REFERENCES

Аркатова 2013 — Arkatova A. E. «The Miracle of Spirituality» by Vera Gangart (about the poetics of one female character in A. Solzhenitsyn's story «The Cancer Ward»). *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. 2013, (3 (40)): 89–96. (In Russian)

Гулыга 1967 — Gulyga E. V. Auto semantics and syn semantics as signs of the semantic structure of a word. *Filologicheskie nauki*. 1967, (2): 61–65. (In Russian)

Злобин 2018 — Zlobin A. A. Secondary nominations in A.I. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle». *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. 2018, (2): 185–192. (In Russian)

Сафонов 2018 — Safonov A. V. A rebellious hero in search of love and freedom: the image of Oleg Kostoglotov in the story «Cancer Ward» by A.I. Solzhenitsyn. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. 2018, (3 (60)): 143–152. (In Russian)

Сичинава 2018 — Sichinava N. G. Means of linguistic representation of the cultural-historical chronotope in A.I. Solzhenitsyn's story «Cancer Ward» In: *Lichnost' i tvorchestvo A. I. Solzhenitsyna v kontekste mirovoj literatury*. Rostov-na-Donu — Taganrog, 2018. P. 119–124. (In Russian)

Урманов 2000 — Urmanov A. V. *Poetics of Alexander Solzhenitsyn's prose*. Moscow: Prometei Publ., 2000. 234 p. (In Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Давайте говорить как петербуржцы!

В 2011–2018 гг. в рамках реализации совместного проекта Совета по культуре речи при губернаторе Санкт-Петербурга, Правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургского университета была создана серия плакатов «Давайте говорить как петербуржцы». Эти плакаты со словами

и фразами, ошибки в которых замечали Людмила Алексеевна Вербицкая и филологи Санкт-Петербургского университета в устной и письменной речи дикторов, чиновников и горожан, регулярно размещались в вагонах метро и на рекламных щитах крупнейших магистралей города.

Людмила Алексеевна Вербицкая ставила перед собой задачу помочь петербуржцам, гостям нашего города, всем русскоговорящим людям говорить правильно, говорить как петербуржцы на великом, красивом русском языке.

В память о знаменитом универсале, выдающемся учёном, Почётном гражданине Санкт-Петербурга Л. А. Вербицкой университет подготовил и выпустил эту книгу. В издании собраны тексты плакатов «Давайте говорить как петербуржцы». Сохранено содержание каждого плаката, несмотря на встречающиеся повторы слов или фраз или наличие слов, которые настолько вошли в обиход, что сегодня уже не требуют объяснений. В издание не вошли лишь те немногие плакаты, которые впоследствии Людмила Алексеевна посчитала неудачными.

Давайте говорить как петербуржцы!